

Сергей Цветаев

**Товарищ Песня. Музыка
Страны Советов**

«Евразийское книжное агентство»

2025

УДК 78.072.2(47+57)
ББК 85.313(2)

Цветаев С.

Товарищ Песня. Музыка Страны Советов / С. Цветаев —
«Евразийское книжное агентство», 2025

ISBN 978-5-6052923-7-1

Страна Советов пела, как и любая другая — каждый день, в каждом доме, в отдыхе и на работе, на войне и в мирное время, — песня сопровождала жизнь каждого советского человека. Музыка Красной империи до сих пор с нами: Утесов, Пахмутова, Добронравов, Высоцкий, Магомаев... Мы узнаем эти мелодии с трех нот и подпеваем с любой строчки. В настоящей книге культуролог, историк и писатель Сергей Цветаев встраивает знакомую с детства музыку в исторический контекст. Причем делает это с таким мастерством, с таким знанием предмета и такой любовью к нему — что как будто заново открывает для читателя и саму Советскую страну, и ее волну. Волну, на которой она транслировала свои мечты и идеалы, фантазии и страхи, надежды и сомнения. Слушайте Советский Союз! В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 78.072.2(47+57)

ББК 85.313(2)

ISBN 978-5-6052923-7-1

© Цветаев С., 2025
© Евразийское книжное
агентство, 2025

Содержание

Предисловие	6
Основание	7
Красный винил	7
Тридцатилетняя война	11
Предгрозовое счастье	14
Диаматограф счастья	16
За Победу бороться	19
О пользе пропаганды	22
Дни войны	24
Свечи огарочек	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Цветаев

Товарищ Песня. Музыка Страны Советов

В тексте сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации

© С. Цветаев, 2025

© ООО «Евразийское литературное агентство», 2025

© П. Лосев, оформление, 2025

Предисловие

*За свет и мир мы боремся,
Они – за царство тьмы.*

В. И. Лебедев-Кумач. Священная война

Мир был красным.
Он цвёл кумачом.
Давно и в детстве.

Где-то в основании его пылали костры Революции. Костры Октября. Будёновки, «бурнаши», горящий мост и твёрдая вера – проскочим! Потом была Священная Война. Великая Отечественная война советского народа. Ветераны в сквере Большого театра, гвоздики в руке, звон медалей, песни. Комок в горле. Был нерушимый мир. И посреди него снова была твёрдая вера – неисчислимы жертвы, принесённые на алтарь Победы, искупают всё: нет зла, мы будем жить вечно, рейхстаг повержен и Красная армия всех сильней.

Мы росли в царствии земном.
В славе поколения победителей.
Среди людей, выкованных из небесной стали.

А потом всё закончилось. И пионерские песни, и советская эстрада, и первомайские демонстрации, и радиоприёмник. Наступило всеобщее солнечное затмение. И Тухманов с его волошиными-мицкевичами-верленами-бодлерами стал просто смешон. Впрочем, как и Утёсов с его джазом. Мир упростился до кошелька. А мы – до благонамеренных потребителей.

И всё же, всё же. Время от времени мы приходим к сумрачному побережью, чтобы, подобно древним, встретить одну-единственную волну – волну памяти.

Вселенная СССР была настолько велика, настолько преисполнена и легендами, и героями, настолько блистательна в величии своём и так уязвима в своей идеалистической незащищённости. Сакрализация этой вселенной оказалась неизбежной. Выходит – было там и разумное, и светлое, вопреки злым языкам.

Ребёнок Страны Советов, я отдаю своей советской Родине ту малую часть долга, что в силах отдать. Отдаю этой книгой, собранной из колонок разных лет.

Быть может, музыка, о которой я пишу, – музыка Красной Империи – всё ещё живёт и в ваших сердцах. Тогда эта книга адресована вам – помнящим о времени идеалов, о времени свершений, о времени долженствования силы духа над суетливой мелочностью плоти.

Помните о непроходящем.
Слушайте Советский Союз!

«Передаём сигналы точного времени. Начало шестого сигнала соответствует пятнадцати часам московского времени. Говорит Москва. В столице пятнадцать часов, в Ашхабаде – семнадцать, в Караганде – восемнадцать, в Красноярске – девятнадцать, в Иркутске – двадцать, в Чите – двадцать один, во Владивостоке и Хабаровске – двадцать два, в Южно-Сахалинске – двадцать три часа, в Петропавловске-Камчатском – полночь».

Сергей Цветаев

Основание

Красный винил

Всё, что делали в СССР, имело ни с чем не сравнимый размах. И основательность. Более прочего – в деле культуры.

Это может показаться странным: тут бы против мировой агрессии выстоять, укрепить государство и армию. Но в том и сила и секрет Красного Проекта – и сам он, и его создатели опирались пусть и на несбыточное, казалось бы, но на возможное в принципе.

Шли сквозь стены, напролом, будто и нет никаких препятствий. И строили будущее без оглядки назад, без шума в ушах от «добрых» напутствий.

Слышите музыку вечности?

Она в аббревиатурах.

В нечитаемом и непроизносимом – как заклинания. Начиная со всемогущего Госплана (посмейтесь, посмейтесь – продлевать жизнь) и всевидящего ВЦСПС (поищите в инете, да обрящете) и заканчивая Музтрестом и Грампласттрестом Наркомата лёгкой промышленности. Производство пластинок на 78 оборотов в СССР росло нереальными темпами начиная с 1928 года. Кто в основном выпускал? «Апрелевский завод памяти 1905 года». Национализированный большевиками и вставший на службу Октябрьской революции.

Вот тут и крик поднять самое время: «Отняли! На чужом капиталистическом горбу в рай свой пролетарский! Сволочи!»

Да, да.

Можно подумать, невероятная по своим масштабам и значимости фирма «Мелодия» – возникла из отнятого сама по себе. Так просто, между делом, превратившись в мировой бренд.

«И что же там было такое на тех пластинках?!»

А... Так вы, похоже, ничего не знаете о главном проекте советского винила?

Воистину грандиозная, не имеющая и близко никаких аналогов в мире вообще и в мире грамзаписи в частности, «Антология русской симфонической музыки». Она создавалась более двадцати пяти лет вместе с Евгением Светлановым и Государственным академическим симфоническим оркестром СССР, Геннадием Рождественским и Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио, Евгением Мравинским и Академическим симфоническим оркестром Ленинградской филармонии.

Полтора столетия русской классической музыки – тысячи часов звучания. Абсолютное культурное наследие, база в граните и, конечно, миллионными тиражами. «Зачем? На кой чёрт? Кто это покупал?!» Покупали, такие времена были – слушали люди, с удовольствием, и в стране советской, и за рубежом. Экспорт был феноменальный – может, потому, что мало кому в мире приходило в голову вот так системно заниматься классикой. От Глинки и Чайковского, Римского-Корсакова и Бородина, до Танеева и Ляпунова, Аренского и Калининкова.

Стравинский. Прокофьев. Шостакович. Шнитке.

Перечислять можно бесконечно.

Поражает маниакальное упорство советской власти в деле тотального просвещения нашего и «их» населения на предмет наших и «их» композиторов. Отдельные циклы формировались из студийного материала, записанного исключительно для выпуска на пластинках – по радио никогда и не транслировали эти записи в таком объёме. Скажем, все двадцать семь симфоний Николая Мясковского, все симфонии австрийца Антона Брукнера, все симфонии и симфонические поэмы финна Яна Сибелиуса и швейцарца Артюра Онеггера (его и посеи-

час считают одним из крупнейших композиторов XX века, именуя «Пикассо классической музыки»), абсолютно все симфонии и балеты Прокофьева.

Попадались ли вам в букинистах от музыки эти роскошные картонные короба с винилами «Мелодии» и подробными описаниями того, что там записано, включая комментарии дирижёров?

Однажды я набрёл на такое богатство. В одном неприметном месте. И даже не помню и не понимаю, как сумел дотащить до дома два огромных кофра, почти оторвавших мне руки...

Когда выпадает свободный день, день ничегонеделания, я слушаю классику – диск за диском – сторона «8», сторона «12»... Последний раз это была «Свадьба Фигаро» в исполнении Венского филармонического оркестра под управлением дирижёра Эриха Клайбера и хора Венской государственной оперы (видите – не только «хлебом советским»). Ленинградский завод «Мелодии», 1968-й. С бледно-лимонными яблоками. Увесистый, тяжёлый винил. И ни черта ему не делается из года в год.

Были у «Мелодии» и тиражи, подготовленные исключительно для экспорта; такие тоже можно найти в музыкальных букинистах. Но это никак не ущемляло внутренний рынок – всё доходило до всех, чтобы каждый тракторист знал Пушкина и слушал Бородина.

И что же вы не смеётесь злорадно? Не смешно?

Сегодня такая культурная интервенция просто невысказана.

Просто невысказана...

А почему?

Так вот «Мелодия».

Она была создана в 1964-м по приказу министра культуры Екатерины Фурцевой.

Объединив под одним лейблом всё, что имел в музыке Союз нерушимый. Апрельский завод грампластинок как флагман. Подразделения звукозаписи и заводы в Москве, Ленинграде, Риге, Таллине, Вильнюсе, Тбилиси, Алма-Ате, Баку и Ташкенте.

Чтобы каждый тракторист.

И хлопкороб.

Когда-нибудь будут зачтены нам подвиги огромного, праведного труда того времени.

Московская студия (Всесоюзная студия грамзаписи) располагалась в здании бывшей Англиканской церкви в Вознесенском переулке – в то время это была улица Станкевича. Акустика запредельная – как ангелы пальцем показали. Были тут и реставрационные аппаратные (поднимали архивы и восстанавливали всё, что только могли), и выездные студийные комплексы для записи в других городах. Можете ли вы себе представить, что для увековечивания на виниле ансамбля старинной музыки, если вдруг не могла выехать в Архангельск или Тобольск звукозаписывающая бригада «Мелодии» из Москвы и писали силами на местах, то эту запись представляли в обязательном порядке столичному худсовету? И если что не так было с качеством – перезаписывали. Без стонов и возражений о растроченных бюджетах.

Только на детскую мультипликацию (а чего вдруг она именно «детская»?) работали два симфонических оркестра и семь дирижёров. И главный лейбл Страны Советов безропотно предоставлял нашему будущему всё лучшее: время, залы, таланты и тиражи. Ведь после выхода каждого мало-мальски популярного мультфильма на свет божий появлялась и пластинка с музыкой из этого мультфильма. И ладно там про зайчиков да белочек, а что творилось после сокрушительного триумфа «Бременских музыкантов»? Такой же точно триумф – только на виниле. И из каждого окна – «Луч солнца золотого».

И кто всё это делал, создавал, обеспечивал?

«Всесоюзная фирма грампластинок „Мелодия“» – именно так и было написано на каждом яблоке. Каждого из винилов.

А ведь была серия радиоспектаклей. И для маленьких, и для больших. Одна «Алиса» Высоцкого чего стоит. Никто не может до сегодняшнего дня посчитать точный её тираж – и не

потому, что воровали. А потому что архивы уничтожены. И потому что печатали тираж и его неоднократные допечатки все заводы всего бывшего СССР.

Такие были времена.

В 2012-м то, что осталось от «Мелодии», решило перевыпустить в Германии (у нас, видать, и негде?) памятный тираж «Алисы в Стране чудес». А ни одного альбома в идеальном состоянии и с идеальным конвертом в архивах найдено не было... Или вообще никакого не нашли. Так просили, чтобы люди несли свои – сканировать.

Впрочем, всякая империя по себе оставляет и величие руин, и горечь осознания потерь. Однако восстановим?

На то вся надежда.

Если что, музыкальные аппараты у нас тоже были. В кафе стояли. В барах. Бары у нас тоже были: люди там выпивали культурно, не менее культурно закусывали и слушали популярную музыку. Пять копеек в «меломан» – и любая из ста песен с пятидесяти заряженных в автомат сорокопяток производства «Мелодии». С выдавливаемой серединкой – прямо как в Штатах, к вашим услугам.

Были там и «всякие роки с джазами» – на тех пластиночках много чего западного проскакивало: и наши «буги-вуги», и твист вприсядку, и «Ландыши». Аппараты «меломан» производили для нас поляки на предприятии Unitra Fonica в городе Лодзь. Нам всё не до того было – космос; и нет тут иронии. Поставляли их в СССР в изрядном количестве. «Мелодии» пришлось наладить отдельный выпуск спецтиражей с маркировкой на яблоке «для аппаратов меломан / по заказу конторы Союзинвентарь / цена 2 р. 18 к.»

Это я к тому, что большевики странным образом (вроде как «дикари и исчадия ада») постоянно думали о культуре, о всяких её проявлениях и всё пытались культуру эту повсюду насадить с «особенной жестокостью» и всем подряд её настойчиво и нудно прививать.

То был и правда «Луч солнца золотого».

«Смех и радость мы приносим людям!»

А ещё вспомним про серебряный вагон выездной звукозаписи «Тонваген», он же вагон МСІ, сотворённый в городе Лондоне тамошними умельцами и привезённый ими же и всякими дипломатами, замаскированными под шпионов, на Московскую выставку «Связь–80» в качестве троянского коня. Потрясать и изумлять столичную публику и чтобы знали, с кем дело имеют. Советская власть в лице фирмы «Мелодия» коня осмотрела, купила за бешеные сотни валютных тысяч, а шпионов из него вытрясла, а сам вагон и запустила по стране записывать камерные оркестры классической музыки и всякие народные хоры.

Ну а по ночам...

Ну а по ночам там же, в этом же вагоне, напичканном всеми благами звукозаписывающей цивилизации, звукоинженер Виктор Глазков помогал рок-группам «Аквариум», «Странные игры», «Алиса» и «Мастер» ваять свои первые альбомы, вероятно тоже вошедшие в мировую сокровищницу музыкального наследия человечества.

Говорят, такие вагоны были у Rolling Stones, в таких работали Deep Purple и Led Zeppelin. Знаете, я не истекаю желчью – сам ведь пишу о джазе и роке постоянно.

Я о другом...

Вдумайтесь.

Какая зверская, какая невероятная мощь и внутренняя сила должна была быть в людях, жизнь положивших на продвижение классической музыки, классического радиотеатра в первом в мире государстве рабочих и крестьян. Для этих самых рабочих и крестьян. Строивших мечту человечества (если уж по-честному, не отводя глаза в сторону) – пусть и в самом первом приближении.

Вдумайтесь.

Кто, когда такими вот средствами разжигал посреди ветров ледяных и стылой стужи – костёр. Для всех. Для каждого. Не жалея хвороста и дров.

Если что, в здании «Мелодии» снова англиканская церковь и службы там идут строго на английском языке. Зачем? Почему? Для кого?

А какая акустика была в рижской студии звукозаписи, что размещалась в здании Реформаторской церкви. Сами рижане-звукорежиссёры утверждали, что такой акустики нет нигде более во всей Прибалтике. А записи органа Домского собора, помните?

Что-то вроде легенд и мифов Древней Греции...

«Мелодия» объединяла на пике могущества двадцать одно предприятие, её продукция продавалась по всему миру буквально. Это была марка, сравнимая по мощи с ведущими западными лейблами. Да, в своей нише. И да – на высочайшем уровне.

А ведь времена бывали разные. В Великую Отечественную флагманский Апрельский завод грампластинок эвакуировали практически со всем оборудованием в Кемеровскую область. Двадцать восьмого ноября 1941-го издан был приказ об организации на базе вывезенного из «Апрелевки» оборудования Беловского завода грампластинок, который разместили на площадях ремесленного училища станции Белово Томской железной дороги.

Не только танки. Не только снаряды. Не только... Как они тогда, в том аду, успевали про всё подумать? А в «Апрелевке» остался один маленький цех. Наверно, вы догадались, что он выпускал в полную мощь на пластинках в 78 оборотов – «Священную войну».

Нам не понять...

Но можно хотя бы отдать должное.

Перестав хихикать в кулачки, употребляя притом омерзительные словечки «нафталин» и «совок».

Такое поведение лишь подчёркивает величие ушедшей эпохи.

Впрочем, и её возвращение – приближает тоже.

«Мы своё призванье не забудем...»

«Нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы...»

Тридцатилетняя война

Против собственной культуры.

Когда рассеялся дым сражений, когда солнце истории в дне текущем склонилось к закату – тогда считать мы стали раны...

Потери были чудовищны.

Противник, извечный наш враг с Запада, сумел не просто превратить в пустыню поле брани.

Он приложил немислимые демонические усилия к искажению самого Будущего – чтобы ничто не смогло бы уже вырасти здесь, на выжженной и отравленной земле, не покалеченным, самодостаточным и целым.

Впрочем, враг наш обманулся. Его и всегда подводило самонадеянное высокомерие в отношении «диких варваров». А потому в его разумении битва была скорее выиграна – даже уверен был, что она выиграна.

А в это время мы, на тридцать первый год оглядевшись и отерев кровавый пот с лица, смогли, преодолевая боль, сказать себе главное: «Позиции, вверенные русскому солдату, удержаны совершенно. Французы не смеют более атаковать...»

Они же и американцы, немцы, японцы, англичане, австрийцы и прочая, и прочая, и прочая. Всякому мало-мальски грамотному человеку известно, из каких «земных пород» состояла наполеоновская или гитлеровская коалиции.

Здесь и следует признать – та, другая и следующая по счёту коалиция, что весьма преждевременно торжествовала свою пиррову победу на обломках Красной Империи, по «странному и загадочному» стечению обстоятельств состояла примерно из тех же ингредиентов, из тех же самых «земных пород».

Им лишь бы не было нас. А заодно и нашей культуры. А уж как такое получится – да наплевать совершенно.

Вот лишь бы не было. Вот лишь бы...

Но руки, как прояснилось в очередной раз по истечении времени, всё так же оказались коротки.

Наверное, это что-то наследственное. Мутация ненависти. Генно-демократический сбой.

Это с ними бывает.

С нашими бывшими врагами-союзниками-партнёрами и снова врагами.

Это у них периодически и всегда.

Крушение СССР и последовавшее за ним культурное безвременье, мне представляется, будет разумным именовать «эпохой Огонька» – эпохой бессовестных, лживых и до тошноты грязных измышлений. Они ещё назывались «историческими фактами». Называются, к величайшему сожалению, и теперь. Правда, всё реже.

В 90-е у нас в пылу битвы с самими собой и при помощи «добрых друзей» последовательно пали: Кинематограф, Литература, Книжное Дело, Живопись, Скульптура, Музыка – всё. Весь тот пласт монументального основания, скальных пород, на которых и держалась Идея. Что это всё вдруг с большой буквы? Китч и совковое невежество! Так ведь?!

Не правда ли?

Не Париж ли – столица Франции?

Когда рассеялся дым сражений, морок горбачёвской пиццы и дяди-Бориного самолётного колеса – мы узрели нечто, похожее на чудо. Быть может, мы к такому вовсе не были готовы. Но – сподобились.

Там, где была только смерть, там, где не оставалось ничего не вытоптанного «новыми и свежими веяниями западной культуры» – остались в целости, пусть и потрёпанные изрядно, все наши редуты и флешы.

Высоцкий на месте – хоть нам кол на голове теши – подгоняет, не даёт впасть в грех уныния, задаёт нужные и горькие вопросы:

Что за дом притих,
Погружен во мрак,
На семи лихих
Продувных ветрах,
Всеми окнами
Обратясь в овраг,
А воротами —
На проезжий тракт?

С тракта проезжего мы уже слезли, свернули с Божьей помощью. Нам бы ещё окна к свету переставить – перерубить бы нам окна. А овраг – засыпать, чтобы не тянуло бы в дом сыростью.

А они Высоцкого из нас вытравить хотели...

Вздумалось теляти
Волка поймати,
Личико беленько,
Ума маленько.

Но задаваться нам не следует.

Я про музыку, поскольку, хоть и не искусствовед, а в музыке хоть что-то – да понимаю. Не в современной – в той, которая вне времени.

Вот Высоцкий – он вне времени.

Тридцать лет утюжили нас, как по гладильной доске.

А он всё здесь, посвежел даже голосом. Да и мы, выходит, понемногу отмокли – изготовились к рывку.

Не выросло у нас рока забойного, ну, не выросло! Так у нас и кукуруза не особо на севере росла. А мы при этом – живы и помирать не спешим. Несмотря на все эксперименты. Да и какие над нами эксперименты? Мы ж варвары – результаты, соответственно, не могут быть зачтены. В научных западных журналах.

Представляете, сколько боезапаса культурологического на нас извели! Какие умы надрывались, какие руки позолоченные впахивали не покладая себя!

А мы, как грибы после дождя, лезем и лезем в глаза Западу – тычем своими вековыми укладами.

Есть некое утешение в том, что не перемололи нас в барби-кенов, не расфасовали по четыре штуки в икея-пакеты, не отранжировали по степени нарастания кретинизма в приложении к айфону.

Не Париж ли (испуганно)?

Именно что Париж.

Столица Франции.

И мы всегда об этом знали.

А они – они о нас и такого не знают.

И уж чего большего – так и вовсе не ведают.

И не изведуют никогда.

Для них Москва – столица территории.

Вот же наградил Создатель тупыми соседями по планете...

Всё нам тыкали Элвисом, «роллингами», резинкой для жевания, джинсами для ног. Вот, любите, сукины дети! Любите – и нас полюбите!

А мы... А мы и не полюбили. Потому что Элвис – это одно, а «вашингтонские ястребы» – совсем другое.

Да и джинсы мы теперь тоже сами умеем. Да и резинку. Остальное – научимся.

Гляньте, честное слово, и возрадуйтесь – ну никаким дустом нас не уничтожить! Если только мы себя сами. Но нам такое зачем?

Нам другое нужно: окна с оврага – на светлую сторону.

Всё у нас получится – иному не бывать.

...Сколько кануло, сколько схлынуло.

Жизнь кидала меня – не докинула.

Может, спел про вас неумело я,

Очи черные – скатерть белая?!

Предгрозовое счастье

Вперёд, друзья!

На что только не наткнёшься в сетевых безднах...

Подборка любимых песен Сталина. И тут да – прямо верить начинаешь, что «нескончаемым потоком текли люди» на сталинские дачи и там, развалиясь поудобнее в креслах и чай с коньяком прихлёбывая, слушали они патефонные пластинки. Или – живые выступления приглашённых звёзд.

Столько «откровенных свидетельств».

Столько «воспоминаний очевидцев».

Так что же, эта песня была наиболее любима Сталиным? «Вперёд, друзья!»? Так-то да, если опираться на воспоминания очевидцев. Текст соответствующий. Про угнетённых. До Октябрьской революции очень модный был... шлягер. Всё больше по кабакам, но это от безыдейности. А после революции все песни каторжан (так их называли) стали вроде как государственной официальной повесткой.

Так именно эту песню более прочих любил Сталин?

И с чего вдруг мы стали выяснять вкусы вождя?

Ну как. Это же... модно. А что ел Микоян – говорят, только мороженое, и он его и придумал? А что пил Киров – говорят, только водку, но придумал её не он? А чем закусывал Берия – говорят, ничем, такой был характер у человека? А на дальней и ближней дачах – какие пластиночки имелись?

Понимаете? Подогревает читательский интерес. Поднимает аудиторию. Подписки. Приписки. Лайки. Белки. Стрелки.

«Сказывают, Сталин-то пел приятным тенором, а Калинин ему, значит, тихонько так подпевал! А пили они хванчкару, литрами! И так до утра...» А утром, чуть свет, – и на работу. До следующего концерта.

Кто жизнь в бою неравном не щадит,
С отвагой к цели кто идёт,
Пусть знает: кровь его тропу пробьёт, —
Вперёд, друзья, вперёд, вперёд, вперёд!

Или всё ж таки то была «Сулико»? Ведь Сталин, как ни крути, а грузин! И выходит, песни он должен был и петь, и любить какие? Правильно, грузинские! Беда какая... И что тогда делать с Утёсовым? А с Госджазом – оркестр такой был до войны, мощнейший, сплошь из звёзд первой величины и репертуар наивысшей пробы? А с божественным тенором Иваном Козловским, любимейшим певцом Иосифа Виссарионовича, как быть? А он, Козловский, тоже ведь с Госджазом выступал и даже записывался – блюз «Утро и вечер», танго «Беседка» – вся страна знала наизусть!

Я могилу милой искал,
Сердце мне томила тоска,
Сердцу без любви нелегко:
Где ты? Отзовись, Сулико!

Это первый, классический перевод поэтессы Татьяны Сикорской, а изводов народных – найдёте великое множество. Но... Товарищ Сталин любил джаз? Вот прямо Гленна Миллера слушал? Слушал, факт. А как тогда быть с легендой про концерт Козловского в Кремле, и

как правительство кинулось просить у Ивана Семёновича русских песен, а Сталин строго так и сказал: «Товарищ Козловский сам разберётся, что ему хочется петь, и сам определит программу. А хочется ему – исполнить арию Ленского из „Евгения Онегина“». И все зааплодировали и Козловский сразу арию и запел, и было то хорошо. И никакая это не легенда – Сталин шутить умел.

Так Сталин оперу любил? Можно уже как-то определиться?!

Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она,
Все благо; бдения и сна
Приходит час определенный!
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

С чем вам хотелось бы определиться? И надо ли дальше перечислять, что именно и по каким таким причинам любил петь, слушать, выводить приятным тенором вождь советского народа товарищ Сталин? Увязли в компоте цитат и сомнительных слухов? Это всё потому, что за деревьями леса не видим.

Товарищ Сталин, будучи главой первого в мире государства рабочих и крестьян – как, впрочем, и творческой интеллигенции – формулировал для себя и претворял в жизнь постулаты исключительно понятные и простые: только всеобщее образование и всеобщая культура смогут создать духовный базис нового советского человека. «Духовный?!»

Товарищ Сталин Тифлисскую духовную семинарию окончил.

Стихи писал на грузинском – хорошие стихи, надо заметить.

Отличные отметки имел по всем предметам, не только по «Закону Божьему».

Это всё такое... «Краснопузые...» «Лаптем щи...»

Хватит уже.

Про джаз вот что скажу. Джазу у нас была прямо зелёная в стране дорога. Гонения на джаз – да, так и было, гонения – начались году так в 1948-м. И если задуматься, понятно почему.

Нас слили союзники, англичане и американцы. Каждый раз, когда думаю об этом, ловлю себя на крамольной мысли: слава богу, Гленн Миллер до этого не дожил. Слили в самом конце войны, не дождавшись Победы. Когда переговоры вели за нашей спиной. Когда на Курилы зарились.

Ну, обошлось. Не обошлось только с холодной войной – вот она обороты набирала год от года. И когда встал вопрос о «зловредных культурных влияниях», джаз угодил под раздачу...

По-разному можно к этому относиться. Перегибов во все времена хватало.

Слушал Сталин и джаз, и народные песни, и оперу, и по старой революционной памяти – песни каторжан. Да и пел – с удовольствием. Музыку любил человек. Искусство. И понимал, что и другим то искусство придётся очень даже кстати. Ценз качества был высокий. Абы что на сцену не пролезало. Не пускали большевики.

Понимаю! Всё понимаю. Звучит дико. Даже и невыносимо. Из дня сегодняшнего. Из полностью свободного от «бессмысленных запретов» дня. Однако ж – как есть.

Увидал я розу в лесу,
Что лила, как слёзы, росу.
Ты ль так расцвела далеко,
Милая моя Сулико?..

Диаматограф счастья

Скажите, нет такого слова? Отчего нет? Вот же оно – написано.

Будто и не диафильм, и не кино, и не театр теней – всё сразу, про прошлую, оборвавшуюся в одночасье жизнь. Про не свершившееся и так никогда и не наступившее «цветущее мирное завтра». Кто помнит СССР, тот вспомнит и эти слова из газет, из журналов великой эпохи, которую именовали ещё «довоенное время».

Фильм «Сердца четырёх», а более того, заглавная его песня – мощнейший из её маркеров. Когда всё было возможно и все пути были открыты, но надвигалась буря неизбежной и страшной войны.

Войны, отнявшей всё, чем жили в первое советское мирное время – между Гражданской и Великой Отечественной.

Короткое время.

Яркое, как солнце в зените.

А потом были зенитки.

И доставали они со всех своих сил чёрные кляксы с крестами, что пришли рушить и наши дома, и нашу жизнь. Вернее – жизнь тех, кто был и жил до нас.

Когда я думаю о них, когда я думаю о времени, в котором они и создавали, и творили никем доселе невиданную реальность, приходит на ум одно: цивилизация титанов. Цивилизация великих воителей, бросивших вызов «обществу здравого расчёта и разумной конкуренции».

Хочется ещё добавить про «необходимое жизненное пространство» – тот здравый расчёт и та разумная конкуренция подразумевали удобное самоустройство за счёт нас – наших домов, наших земель, наших жизней и нашего будущего...

Пытаясь перенестись во времени в довоенную весну 1941-го, неизменно ощущаю столь острое биение жизни, что кажется: ещё одно мгновение, ещё одно мысленное усилие – и удастся раскрыть секрет, прозреть суть той несгибаемой веры и в дело своё, и в Победу, и в саму жизнь.

Тот самый секрет, что вёл каждого из них.

Мы можем только помнить и быть благодарными.

Всё стало вокруг голубым и зелёным,
В ручьях забурила, запела вода.
Вся жизнь потекла по весенним законам,
Теперь от любви не уйти никуда.

Евгений Долматовский, будущий фронтовой корреспондент и поэт своего поколения. Освобождённая Западная Белоруссия, зимняя финская, Великая Отечественная. Ранение в голову и руку в Уманском котле, плен, дерзкий побег. Переход линии фронта в ноябре 1941-го, проверки, проверки... Возвращение в строй в январе 1942-го в звании батальонного комиссара в дивизию Александра Родимцева, легендарного героя Сталинграда. Личное присутствие на подписании акта безоговорочной капитуляции Германии. Это всё Долматовский. А так-то – строчка одна – «автор текста»...

И встречи редки, и длинны ожидания,
И взгляды тревожны, и сбивчива речь.
Хотелось бы мне отменить расставанья,
Но без расставанья ведь не было б встреч.

Ещё раньше, чем для ленты «Сердца четырёх», Долматовский совершенно случайно и в самый последний момент написал по просьбе режиссёра фильма «Истребители» (1939) Эдуарда Пенцилина стихотворение «Любимый город». Как бывает – фильм почти сняли и поняли: не хватает главной песни.

Это именно стихотворение, а не просто текст песни.

Потому что лётчики были тогда – да и сейчас безусловно – не просто герои. Они – боги-покорители небес.

И надо было о тех богах – простыми и понятными словами.

И чтоб насквозь. Каждого.

И Долматовский справился, как никто другой. На музыку стихи положил Никита Богословский.

И какие бы времена ни стояли на дворе, мы поём, вторя голосу Бернеса:

В далёкий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает:
Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд.

Несколько лет – да почти все тридцатые – тьма надвигающейся войны висела над нашей страной. СССР, между тем, не только не собирался сдаваться, а всеми силами к войне, как к жесточайшей неизбежности, готовился. Каково это? Видеть в клочья разорванную Европу. Знать о том, что творят фашисты.

И без всяких розовых иллюзий понимать: придёт тот день, когда потребуется встать в строй.

И сражаться. Не на жизнь, а на смерть.

Ведь враг не просто страшен – он лишён человеческого обличья.

Так вот и жили – веря в жизнь.

И пели песни – правильные.

Может, наивные. Может, провидческие. Не нам о том судить. Важно другое – поём, поём десятилетиями и будем петь и дальше.

Пройдёт товарищ все фронты и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны.

«Сердца четырёх» – они с трудной судьбой. Фильм был принят худсоветом «Мосфильма» в феврале 1941-го. И не просто принят – признан безусловной удачей всего творческого коллектива ленты. Премьера была назначена на конец мая.

Но на майском творческом партактиве в Комитете по делам кинематографии Андрей Жданов разнёс ленту в пух и прах, как «не соответствующую грядущим событиям». Слишком водевильной, слишком весёлой показалась она тогда.

И я думаю: а если бы не «заметили»? Если бы пустили в прокат?

С какой горечью, быть может, смотрели бы её по всей стране. После 22 июня...

Лента пролежала на полке до осени 1944-го – Жданов был фигурой, «стальным ленинградцем», сложной личностью, но однозначно самоотверженной. Уж сколько на него вылили грязи за «светлые годы свободы»... Это, правда, другая история.

К зиме 1944-го потребовались фильмы про любовь. Про жизнь. По будущее завтра, которое становилось с каждым днём всё более возможным, зримым. Будущее после Победы.

И «Сердца четырёх» пустили в прокат 5 января 1945-го – под разгромную статью в «Правде» (что делать, бывало и такое) и абсолютный притом зрительский успех. Говорят, люди плакали в залах, не стесняясь слёз.

Плакали о том времени, о времени до Священной Войны, когда всё было так просто и так по-другому.

Ничего не вернуть. Вот только глядя на последние кадры ленты, где Галя и Шурочка Мурашова, а с ними старший лейтенант Пётр Колчин и учёный-биолог Глеб Заварцев машут нам руками и улыбаются – так искренне и так сердечно, из далёкого и вскорости страшного 1941-го – всё же верится, что вернуть можно.

Как и когда?

Нет ответа.

Есть только жизнь и судьба.

И путь – который каждому из нас надлежит пройти.

Любовь от себя никого не отпустит,
Над каждым окошком поют соловьи.
Любовь никогда не бывает без грусти,
Но это приятней, чем грусть без любви...

За Победу бороться

Определённо – ничто не могло смутить советскую власть.

Ни яхта. Ни лорд Гленарван. Ни Лондон. Ни прочие буржуазно-капиталистические декорации Жюль Верна. Советская власть умела разглядеть за любыми декорациями суть, глубинный смысл приключенческого повествования. «Дети капитана Гранта» (полностью опубликован в 1868 году), что ни говори, книга развлекательная, «роман для щекотания нервов» почтеннейшей публики.

И вот – этот самый роман та самая советская власть с блеском экранизирует в 1936-м. И ради чего?! Мало ли было тогда своих героев?!

Ради чего?

Чтобы мир воочию узрел: мы за преемственность подвига вне государств, наций и экономических укладов.

Мы за вечную эстафету крепости духа перед лицом пусть и самых страшных испытаний. Мы за Победу любой ценой.

То была эпоха пылающих сердец. Эпоха тектонических сдвигов сознания. Не тьму, нет, хоть и приписывают Красной Империи такое, не тьму несли мы миру – надежду на несбыточное, на построение царствия Божьего на земле – силами людскими, разумом, освобождённым от тысячелетнего рабского гнёта «сильных мира сего». Нелишне будет сказать, что не теми «сильными», а слабыми мира сего творится история.

Впрочем, тут уж кто на что учился и во что верует.

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел – тот смеется,
Кто хочет – тот добьется,
Кто ищет – тот всегда найдет!

«Песенка Роберта». Она отпечатана в сознании каждого из нас, даже если и присутствует неистребимое желание песенку эту из сознания вытравить. Позабыть, чтобы жить не мешала. А ещё там про стальные мускулы, «про учёных, героев, бойцов» и прочую ерунду. Слова написал Василий Лебедев-Кумач. О его песенных текстах при случае будет разговор особый: «Священная война» – это он; как и «Легко на сердце от песни весёлой...».

Музыку написал Исаак Дунаевский. Вот о нём и поговорим.

Как там у древних?

«Всякому времени должно определить своё несравненное звучание».

Точно так получилось и в предвоенном СССР.

Дунаевский был мастером великим, одним из величайших в принципе. Принявшись за музыку к фильму «Дети капитана Гранта», кажется, всю свою мощь, весь свой внутренний огонь вложил он в воспевание жажды жизни. В воспевание счастья, обретаемого борьбой и трудом, испытаниями духа и тела, которые неизменно и всегда ведут к одному – к Победе.

Величественная, заставляющая выйти из оцепенения обыденности увертюра к фильму – вот пик его творений. Если бы можно было определить нерв эпохи, нерв того великого времени, если бы можно было облечь его в звучащую, зримую форму – это и была бы она, увертюра к «Детям капитана Гранта». Увертюра к приключенческому фильму по роману давно ушедшего в небытие французского автора.

Весь советский проект, вся метафизика его – были одним великим и страшным, никем прежде невиданным, захватывающим дух приключением. С обрыва в бездну, воспарив на кры-

лях, неведомо откуда взявшихся, и на вере в казалось бы невысказанное, никем и никогда недостижимое вовсе!

Потому и не удивляйтесь – «Дети капитана Гранта» имели ошеломляющий успех. А музыка из фильма, она стала гимном, святой заповедью – пусть и вопреки всему, а наша возьмёт!

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слышал.
Спой нам, ветер, про дикие горы,
Про глубокие тайны морей.
Про птичьи разговоры,
Про синие просторы,
Про смелых и больших людей!

Несколько слов о Роберте – это ведь он песенку поёт. Роберта сыграл двенадцатилетний мальчишка, школьник Яков Сегель. Помните, как лихо он сидит в седле? Всего-то – верховой езде его обучил за одну ночь Александр Птушко, который служил в Первой конной армии. Тот самый Птушко, что снял в 1935-м «Нового Гулливера» («Моя лилипуточка» – помните?), в 1939-м – «Золотой ключик», а после войны – известные и шедшие по всему миру фильмы-сказки «Илья Муромец», «Сказка о царе Салтане», «Садко».

В 1967-м Уолт Дисней самолично предлагал Птушко «любую кинематографическую площадку Америки». На что Александр Лукич, в свойственной одному ему манере, отвечал: «Благодарствую! Однако ж вынужден вам отказать. Моя съёмочная площадка – моя Родина. Россия!»

А мальчик Яков Сегель вырос, прошёл всю войну, орденосцем вернулся в мирную жизнь. Отучился на режиссёрском факультете ВГИКа, пришёл на студию Горького и в 1956-м вместе со Львом Кулиджановым снял фильм «Дом, в котором я живу».

Если что, учениками мастерской Якова Сегеля были и Леонид Нечаев, и Станислав Говорухин.

Простая история, правда? Ничего примечательного. Жизнь как жизнь.
Нам бы сейчас такую.

Спой нам, ветер, про славу и смелость,
Про ученых, героев, бойцов,
Чтоб сердце загорелось,
Чтоб каждому хотелось
Догнать и перегнать отцов!

Вот вам и развлекательное синема.

Вот вам и песенки Исаака Дунаевского.

Была там ещё одна, которая, как говорят, «и в труде и в бою помогает». Более прочего именно что в бою – «Песенка о капитане». Тоже на стихи Лебедева-Кумача. И на музыку Исаака Дунаевского. По мне, так лучший заряд бодрости, смелости и веры в Победу из всех существующих в «лёгком жанре» (ох и доставалось Дунаевскому при жизни за этот «лёгкий жанр»).

В лёгком жанре...

Иногда улыбнуться – означает победить смерть.

Это и есть несравненное звучание предвоенной советской эпохи.

Жил отважный капитан,
Он объездил много стран,
И не раз он бороздил океан.
Раз пятнадцать он тонул,
Погибал среди акул,
Но ни разу даже глазом не моргнул.
И в беде,
И в бою
Напевал он эту песенку свою:
«Капитан, капитан, улыбнитесь,
Ведь улыбка – это флаг корабля.
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым покоряются моря!»

О пользе пропаганды

Во всяком советском доме, в каждой квартире была стена. И висело на той стене радио. «Тарелка» ещё его называли. И лилось из той тарелки одноканальной – что?

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Пропаганда. Правильно? На стихи Лебедева-Кумача и на музыку Исаака Дунаевского. А слушается, даже и сегодня – вот не оторваться.

А почему? А потому что правда.

Страна наша огромная, и нет ей ни конца ни края. И дышится в ней вольно, потому как духу нашему великому только в таких просторах и можно развернуться – аж до хруста в плечах!

Просторы.

Что русскому хорошо, то немцу смерть.

По мемуарам и воспоминаниям, более всего страдали от просторов наших гитлеровские танкисты. Вот был лес, который никак не мог кончиться, сразу за ним начинались бесконечные деревни, а сразу за деревнями – бесконечные поля, а за ними новые, а потом другие... Так, собственно?!

И сидели бы в своём курятнике тесном, где всё конечно. Чего к нам-то поперлись? Тошнит, укачивает, мозг не считает расстояний, а всё одно – лишь бы зубами ухватиться и клочок оторвать. Сволочи...

А тарелка – она про своё.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей.

Как хозяин. Настоящий. Не прискакавший невесть откуда с идеями облагораживания дикарей.

Это тоже называется «пропаганда». И если сделана та пропаганда хорошо, то и работает она безотказно, и всегда приходится к месту.

В том числе в решающие моменты истории.

Выступил Черчилль с речью в поддержку СССР вечером 22 июня 1941-го. Что он там сказал?

В 4 часа этим утром Гитлер напал на Россию. Все его обычные формальности вероломства были соблюдены со скрупулёзной точностью. Между странами действовал торжественно подписанный договор о ненападении. Германия не высказала ни единой претензии по поводу его невыполнения. Под прикрытием его ложных гарантий немецкие войска выстроили свои огромные силы в линию, протянувшуюся от Белого до Чёрного морей, и их военно-воздушные силы и бронетанковые дивизии медленно и методично заняли позиции.

Всё, что я знаю на текущий момент – русский народ защищает свою родную землю и его лидеры призвали к сопротивлению до последнего. Я вижу

русских солдат, как они стоят на границе родной земли и охраняют поля, которые их отцы пахали с незапамятных времён. Я вижу, как они охраняют свои дома...

По окончании выступления Черчилля, не желая давать в эфир «Интернационал», который до 1944 года был официальным гимном СССР, Би-би-си транслирует песню «Широка страна моя родная».

Вот вам и исторический момент.

Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить.
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.

Сейчас тарелок на стенах домов и квартир наших нет. Разве что декоративные. Радио стало многоголосым, невероятно щедрым на предложение – хочется иногда, чтоб уже оно бы и помолчало. А песня... Песня остаётся с человеком. И с историей страны. С историей Родины.

И никогда и никто не поймёт, что же первично – пропаганда или истинное искусство, которое стало грозным оружием пропаганды.

Да и не надо ничего тут понимать.

Настоящее – оно и есть настоящее.

И не требуются к нему никакие многозначительные пояснения.

Включаем тарелку.

Пусть даже и внутреннюю.

Дни войны

Свечи огарочек

Было время: мы ходили пешком под столами, и была там своя маленькая жизнь. А вверху, где взрослые жили-пировали, как и положено у нас в дни великие – на широкую ногу, чаще другого в майские дни звучало одно: «Лишь бы не было войны!..»

И сходились рюмки-бокалы.

Это навсегда осталось в крови.

Как заклинание, заговор от бешенства тупой и сытой жизни.

Альманах 1961 года выпуска, найденный мною, восьмилетним и беззаботным, в библиотеке Лесной Школы (был такой проект ВЦСПС), где много было про войну. Про нашу горькую и страшную Победу. Про лётчиков и моряков. Пехоту и танкистов. Про всех.

Я тогда и заболел той Войной. И долго мне снилось по ночам, что бегу через хлебное поле и не успеваю – срезают немецкие автоматчики. Сон этот неотступно достигал меня несколько лет. Уж и не знаю почему – память ли о прошлом, а может, и настоящее прошлое.

Тёмный зал с экраном в вечность и алой надписью – «Огненная дуга». Песни, от которых сжимались маленькие наши и наивные, честные сердца.

«Освобождение» я смотрел в кино с друзьями много раз – десять копеек, и война твоя. Почти каждый год фильм крутили по всей стране на большом экране. Мы ходили ватагой, орала что-то, на нас шикали иногда, но не особо. Больше всего мы любили, понятное дело, пятую серию – «Последний штурм». Это там мы впервые услышали:

Ещё немного, ещё чуть-чуть,
Последний бой – он трудный самый,
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!

С тех времён песня Ножкина застряла у меня в голове, и я при случае, когда было особенно тошно что-то нелюбимое делать, повторял про себя: «Ещё немного, ещё чуть-чуть!» Смешно, конечно. Сейчас смешно.

Про маму – после слов песни впервые ощутил нездешний внутренний холод: что, если мамы нет? Тогда и обиды детские, и всякая ерунда отступили; я стоял перед пропастью, и не было ничего и никого – если не было мамы.

Музыка того времени, тех фильмов растворялась в наших мыслях и чувствах. Она была с нами неотступно – концерты в Колонном зале Дома Союзов, радио, фильмы.

И сквер Большого Театра.

Мне было почти одиннадцать. 1980-й.

Мы пришли туда утром, и я смотрел на людей «из кино», живых и смеющихся, плачущих и поющих.

Не знаю, сколько я там пробыл. Долго. В тот день накрыло меня уже насовсем – когда отдал свои три гвоздочки здоровенному грузному дядьке в кителе с погонями и орденами. Мне тогда показалось, что им и счёта нет, а какой род войск – вспомнить не могу. Он прижал меня так, что хрустнуло внутри, поцеловал в щёку, и медали звенели, и пахло от него табаком и одеколоном. И ещё слёзы. Он плакал. И они, слёзы, остались на моём лице тоже.

Как причастие.

Точно Бог показал пальцем: «Помни!»

«Белорусский вокзал» меня поначалу разочаровал. Никак я не мог в том возрасте понять – фильм про войну, а войны и нету! Разговоры, разговоры. Но песня...

Это когда вырастаешь, узнаёшь, что написал её Окуджава – и слова, и музыку, вернее, мелодию. И что понравилась она Шнитке, а тот решил её аранжировать, превратить в «марш прорыва». И вышло что-то невероятное, пронзающее насквозь, навьлет.

А тогда – были слова.

Вместе с гитарными переборами они как камни крепости – если только до основания снести; в любом другом случае – отпечатаны навечно.

Понять героев «Белорусского вокзала» я смог в совсем уже зрелом возрасте – лет в тридцать, наверно. И с тех пор, когда закипает внутри оттого, что люди вокруг простейших вещей о войне не знают, не разбирают уже, где свой, где чужой, кто на чьей стороне был и за кем правда – смотрю его.

Ничего ведь не изменилось.

Фронтвики уходят, ушли...

Но своя красная ракета для каждого из нас – случается в любой из дней.

Наше дело – помнить.

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут
И только мы плечом к плечу...
Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым...
Взлетает красная ракета,
Бьет пулемет неутомим...
До самых вражеских ворот,
Такие, брат, дела...
Нас ждет огонь смертельный,
И все ж бессилен он...
А нынче нам нужна одна победа!
Одна на всех, мы за ценой не постоим.

В тот день у Большого играл развесёлый дед-баянист в бескозырке. И частушки сыпал. И всякое. А потом запел «В лесу прифронтовом».

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист...
Так что ж, друзья, коль наш черед, —
Да будет сталь крепка!
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз...
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

И воцарилась какая-то вселенская тишина. Осенью запахло. Дымом 1941-го. Когда ничего не известно точно, кроме одного лишь: путь к жизни мирной лежит через войну.

Тоже мимолётно, на уровне рефлекса, кожей, чутьём уловил: вот он – ужас одномоментного крушения обыденности. стакан воды, и то, может, выпить не придётся...

И опять, только годы спустя, когда наконец дорос, допыхтел «почитать, разузнать что к чему» – узнал, что стихи Исаковского, а музыка Блантера. И что они же в 1938-м написали

«Катюшу». И что Исаковский, не попавший на фронт по причине слабого зрения, писал Блантеру: «Может, этими стихами обеспечу хоть какое-то участие в войне...»

Вместе они написали и «Враги сожгли родную хату». В детстве это была страшная особа, внутренней своей обречённостью и невероятной ценой победы, песня. Я и сейчас замедляю шаг, когда слышу или вспоминаю:

Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

«Что нам тот Будапешт? Пусть бы разбомбили их всех наши!» – «Надо было Берлин катюшами! Тысячу катюш! Или десять тысяч!» Это в темноте, в общей палате той самой Лесной Школы (жили как в раю – спасибо СССР). Мы строили военные планы, думали, как лучше «пришибить и размазать» немцев, чтобы без потерь, чтобы домой вернулись солдаты советские.

А пели на Девятое мая – «Священную войну». Вздрагивали на сцене от первых нот, в горле вставал комок, и как-то не очень складно, но выводили:

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать!..

И казалось, что можно изменить многое, можно прямо отсюда шагнуть в пекло и погнать фрица. Чёрт знает что это такое, когда ты маленький, а внутри клокочет, как в котле, и вот сейчас сорвёт башню...

Оказалось, что у Лебедева-Кумача в первом варианте был ещё один куплет. Мы тогда и не знали – думаю, это противопоставление света и тьмы вознесло бы наши ребяческие страсти на совсем недостижимую высоту:

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они – за царство тьмы.

Странно, почему не пошло.

Не поют сейчас так.

А музыку Александрова поначалу, в первые месяцы войны, её считали слишком трагической и мрачной – но лишь до середины октября 1941-го, когда враг вплотную подошёл к Москве, и стало ясно, что или мы – или нас. Нет никаких слов объяснить, на что эта песня воздействует – может и мёртвого с поля поднять, и в атаку бросить.

Как и гимн СССР, написанный им же.

Есть в мире вещи, не стираемые ластиком истории.

Ленинградская симфония Шостаковича.

Словно увидел он, прозрел марширующие колонны, железную гадину, вползавшую в наши пределы. В сознании всё смешалось: чёрно-белая хроника, открывающиеся бомболуки, бесноватый на трибуне, закатанные рукава вермахта, костры книг...

Исполнение её в блокадном Ленинграде 9 августа 1942-го. Оркестр Ленинградского радиокомитета под управлением Карла Элиасберга, дополненный музыкантами полковых

оркестров. Кто в чём, еле живы – но такая воля, несгибаемая стальная воля... Где нам сейчас взять такую?!

Большой зал Ленинградской филармонии, до отказа забитый измученными, но нашедшими силы слушать музыку людьми, залитый светом хрустальных люстр – горят все до одной, невзирая на воздушную тревогу и рёв сирен.

Огонь из всех калибров, всеми артиллерийскими силами Ленинграда – чтобы задавить немцев хоть на время, пока звучит музыка, транслируемая и им, на передовую, в их чугунные головы с жирными распластанными орлами на касках.

Да горят они в аду.

Вечно.

Добавьте им градуса.

Когда такое входит в сознание с детства, нет ничего, что может заставить посмотреть на прошлое «немного под другим углом». И выговаривается у меня только одно название города – ЛЕНИНГРАД.

Ничего страшнее музыки.

Ничего прекрасней...

«Офицеры».

Смотрено и пересмотрено.

Всегда хотелось другого конца, чтобы вернулись, чтобы дома все до единого... Но есть такая профессия – Родину защищать. И нет выбора посреди судьбы.

Уж как Агранович (фронтовик и геройский парень, многие его тексты ушли в народ) сочинил, услышал с небес...

От героев былых времен не осталось порой имен, —
Те, кто приняли смертный бой, стали просто землей и травой...
Это те, кто в штыки поднимался, как один, те, кто брал Берлин.
Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...

И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть.

Зимой и летом играли в войнушку – первое дело назначить, кто «за фрицев». Никто ведь не хотел. И часто штурмовали не пойми каким составом, все вместе, мифического врага. А уж потом, мокрые, возбуждённые, орали: «А я его! Видел ты? Видел?!»

Зимой были снежки. И почему-то (ну как – почему...) крепость наша всегда называлась Брест. И бились за неё, теряя варежки, валенки, шапки и шарфы.

Смешно?

Нет. Каждому возрасту – свои сражения.

Но у детей войны возраста не было. И все сыны и дочери полка – все, о ком узнавали мы из фильмов и книг, все, кто не дожил до Победы, но до вздоха последнего приближал её, – были и остаются нашими святыми. Ангелами-хранителями. И плевать нам на «немного другое мнение под несколько другим углом».

А уж выжившие!..

Саша Колесников, про которого сняли в 1968-м фильм «Это было в разведке». Помню, когда увидел в кино, а потом ещё и прочитал, что немцы его распяли, прибили руки и ноги гвоздями, но наши успели, смогли отбить, и что жил он потом долго, приезжал на места тех событий – онемел.

Как будто выключилось внутри что-то и потом опять ожило.

Военные песни.

Песни и стихи о войне.

«Журавли» и голос Бернеса. И слёзы в глазах – год от года сдержат их всё труднее.

И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня...

«На всю оставшуюся жизнь...»

На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит подвигов и славы,
Победы над врагом кровавым
На всю оставшуюся жизнь,
На всю оставшуюся жизнь...
Я не могу все их перечислить.

Даже и не знаю, хоть список пиши – но зачем? Вы ведь тоже – помните и знаете. По-другому и быть не может.

Об одной песне всё же скажу особенно. Её написали Соловьёв-Седой и Фатьянов – это всё их замечательные песни «Где же вы теперь, друзья-однополчане», «На солнечной поляночке...», «Соловьи». А в мае 1945-го под Кёнигсбергом написали «Давно мы дома не были».

В детстве я никак не мог толком разобрать слов, особенно про цветущую ель и шишки-веточки медовые. И даже не стремился: больше всего мне нравилось начало, невероятное, будто даже уютное – как такое возможно посреди хаоса и ада войны?

И была там магия сказки, магия невозможного. Торжество скорой и верной победы над заклятым врагом. Победы тем более сказочной, былинной, потому как путь к ней лежал через страдания, понять которые «мирным умом» – возможности нет.

Горит свечи огарочек,
Гремит недалёкий бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой!

Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой!
Не тратя время попусту,
Поговорим с тобой...

Давно мы дома не были...
Цветет родная ель,
Как будто в сказке-небыли,
За тридевять земель.

Как будто в сказке-небыли,
За тридевять земель.
На ней иголки новые,
Медовые на ней...

На ней иголки новые,
А шишки все еловые,
Медовые на ней...

Часто ловлю себя на мысли – вот иду и пою: «Горит свечи огарочек...» Та война – она рядом. Она всегда здесь. Она здесь – навсегда.

Наше дело помнить.
Нам нельзя забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.